На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала

Автор:
Пауло Коэльо

На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала

Пауло Коэльо

И в день седьмой… #1

Что бывает с юной любовью, когда робость не позволяет ей раскрыться? И что бывает, когда годы спустя судьба вновь соединяет влюбленных? Ведь жизнь уже научила ее быть сильной и скрывать свои чувства, а он стал духовным наставником и даже, говорят, способен творить чудеса.

Новая встреча становится для них началом нового пути. И первые шаги они сделают вместе – на берегу Рио-Пьедра, в маленькой деревушке во Французских Пиренеях, где они находят нужные слова и учатся ценить друг друга.

Пауло Коэльо

На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала

Посвящается

И. С. и С. Б.,

чье дружеское участие открыло мне женское начало Божьего лика;

Монике Антунес,

сопутствующей мне с первого часа жизни, любовью и воодушевлением распространяющей огонь по миру;

Пауло Рокко –

за радость тех битв, где мы были союзниками, и за достоинство тех боев, где были противниками;

Мэттью Лору –

за то, что не позабыл мудрых слов «И-Цзина»: «Упорство – благоприятно».

От автора

Некий испанский миссионер повстречал на острове троих ацтекских жрецов.

– Как вы молитесь? – спросил их священник.

– Молитва у нас одна, – отвечал ему старший. – И звучит она так: «Господи, ты триедин, и нас трое. Помилуй нас».

– Славная молитва, – сказал на это миссионер. – Да только это не совсем то, к чему склоняет слух Господь. Давайте-ка я научу вас другой молитве, гораздо лучше.

Научил их католической молитве и отправился дальше проповедовать слово Божье. А несколько лет спустя, когда он возвращался к себе в Испанию, случилось так, что корабль его проплывал мимо того самого острова. С верхней палубы заметил миссионер троих жрецов на берегу и помахал им рукой.

В тот же миг они по водам направились к кораблю.

– Падре! Падре! – закричал один из них, подойдя совсем близко. – Мы не смогли запомнить ту молитву, которой внемлет Господь! Научи нас ей заново!

– Это не важно, – сказал миссионер, ставший свидетелем чуда. И попросил у Бога прощения за то, что сразу не понял – Он говорит на всех языках.

Эта притча наилучшим образом объясняет, о чем пойдет речь в книге «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала». Мы редко отдаем себе отчет в том, что Необыкновенное – вокруг нас. Рядом с нами творятся чудеса, небесные знамения указывают нам путь, ангелы просят услышать их, однако мы не замечаем этого, накрепко затвердив, что для того, чтобы прийти к Богу, надо исполнить определенные правила, произнести определенные формулы. Мы не понимаем – какие врата мы откроем для Него, теми Он и войдет.

Традиционные религиозные обряды важны, ибо помогают нам разделить с другими чувство общности, которое возникает, когда люди вместе свершают таинство, вместе возносят молитву, вместе отправляют богослужение. Но нельзя при этом забывать, что духовный опыт есть прежде всего практический опыт Любви. А в Любви правил не существует. Можно попытаться штудировать учебники, обуздывать душевные порывы, выработать стратегию поведения – все это вздор. Решает сердце, и лишь им принятое решение важно и нужно.

Такое бывало в жизни каждого из нас. Каждый из нас в тот или иной миг твердил, обливаясь слезами: «Эта любовь не стоит моих страданий». Мы страдаем оттого, что нам кажется, будто даем больше, чем получаем. Мы страдаем оттого, что наша любовь не признана, не узнана. Мы не смогли ввести собственные правила, вот и страдаем.

И напрасно. Ибо в любви заложено зерно нашего духовного роста. Чем больше мы любим, тем ближе к постижению духовного опыта. Истинно просвещенные люди – те, чьи души были воспламенены Любовью, – одолевали все предрассудки своего времени. Они пели, смеялись, молились вслух, плясали, они творили то, что апостол Павел назвал «священным безумием». Они были веселы – ибо любящему покоряется мир и неведом страх потери. Истинная любовь – это когда отдаешь себя всего без остатка.

«На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала» – книга о том, как это важно. Пилар и ее друг – персонажи вымышленные, и они же символизируют многие конфликты, которые сопровождают нас в поисках Иного Края. Рано или поздно каждому из нас придется преодолеть свои страхи – ибо духовная стезя пролегает через повседневный опыт любви.

Монах Томас Мертон сказал как-то: «Духовная жизнь сводится к любви. Любят не потому, что хотят сотворить благо, или помочь кому-либо, или оберечь и защитить кого-то. Когда мы поступаем таким образом, то рассматриваем нашего ближнего всего лишь как объект, а себя – как людей, одаренных благородством и мудростью. Это не имеет с любовью ничего общего. Любить – значит причаститься другого человека и обнаружить в нем искорку Божьего огня».

Пусть же слезы Пилар, пролитые на берегу Рио-Пьедра, укажут нам путь к этому причащению.

1

На берегу Рио-Пьедра…

…села я и заплакала.

Если верить преданию, все, что попадает в воды этой реки – листья, насекомые, птичьи перья, – со временем превращается в камни, устилающие ее русло.

Ах, если бы я могла вырвать сердце у себя из груди, вырвать и бросить его на стремнину, чтобы не было больше ни муки, ни тоски, ни воспоминаний.

* * *

На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала. Зимний холод заставил меня ощутить слезы на щеках, и слезы эти перемешивались с ледяными водами, катившимися передо мной. Где-то эта река соединяется с другой, потом с третьей, и так до тех пор – но уже вдалеке от глаз моих и сердца, – пока все эти воды не

перемешаются с морской водой.

Пусть же воды ее унесут прочь смешавшиеся с ними слезы, чтобы любовь моя не знала, что однажды я оплакивала ее. Пусть воды ее унесут прочь смешавшиеся с ними слезы, чтобы я смогла забыть Рио-Пьедра, монастырь, церковь на отрогах Пиренеев, туман и дороги, по которым шли мы вместе.

Я позабуду дороги, горы и поля, которые видела во сне, – и сны эти снились мне, только я об этом не знала.

Но я помню тот чудесный миг, когда простое «да» или «нет» могло изменить все наше бытие. Кажется, что это было так давно, а между тем всего неделю назад я снова встретила его – и снова потеряла.

На берегах Рио-Пьедра я написала эту историю. Руки мои заледенели, ноги онемели от неудобной позы, и я все время порывалась бросить, остановиться.

– Постарайся просто жить. Оставь воспоминания старикам, – говорил он.

Быть может, это любовь старит нас прежде времени, и она же возвращает давно ушедшую юность. Но как же не вспоминать эти мгновения? Я и пишу затем, чтобы глухую тоску переплавить в светлую печаль, одиночество – в воспоминания. Чтобы, дорассказав самой себе эту историю, швырнуть ее в реку – так говорила мне женщина, у которой я нашла приют. И тогда – вспомним слова святой – вода погасит написанное огнем.

Все истории о любви похожи одна на другую.

Мы вместе росли, вместе выросли. Потом он уехал из отчего края, ибо все юноши рано или поздно покидают родное захолустье. Сказал, что хочет посмотреть мир и что мечты его простираются дальше полей Сории.

Несколько лет я ничего о нем не знала. Лишь изредка приходило от него письмецо – и все на этом, ибо в рощи и на улочки нашего детства он не вернулся никогда.

А я, окончив школу, уехала в Сарагосу – и там поняла: он был прав. Сория – маленький городок, а единственный знаменитый поэт, которого подарил он миру, говорил, что дорога создана, чтобы идти по ней[1 - Имеется в виду Антонио Мачадо (1875–1939), творчество которого связано с Сорией. – Здесь и далее прим. перев.]. Я поступила в университет, у меня появился жених. Стала готовиться к открытому конкурсу, победить на котором мне так и не пришлось. Работала продавщицей, чтобы платить за ученье, провалилась на конкурсе, отказала жениху.

А между тем письма от него теперь приходили чаще, и, глядя на чужестранные марки, я испытывала зависть. Вот, думала я, друг мой стал старше, он все познал, он объездил весь мир, он отрастил себе крылья, я же все пытаюсь пустить корни.

Пришло время, когда в письмах своих, отправленных из одного и того же французского городка, он все чаще стал упоминать о Боге. Как-то раз он сообщил, что хочет поступить в семинарию, посвятить себя молитве и проповеди. В ответном письме я попросила его подождать с этим и еще хоть немного насладиться свободой, а уж потом совершить столь серьезный шаг.

Перечла и решила порвать письмо – кто я такая, чтобы рассуждать о свободе или о пострижении? То и другое ведомо ему, а не мне.

А спустя еще какое-то время я услышала, что он читает лекции, и удивилась – он ведь слишком молод, чтобы учить других. Но через две недели он написал мне, что будет читать лекцию в Мадриде и очень просит меня приехать.

Четыре часа ехала я из Сарагосы в Мадрид, потому что хотела вновь увидеть его. Хотела слышать его голос. Хотела посидеть с ним в кафе, вспомнить те времена, когда мы играли вместе, когда нам казалось: мир так велик, что его не объездишь, не постигнешь.

2

Суббота, 4 декабря 1993 г.

А на лекцию собралось гораздо больше народу, чем я предполагала, да и обстановка была куда торжественней и строже. И я не понимала, как же это так получилось.

«Быть может, он успел прославиться», – подумала я. Он ничего не говорил об этом в своих письмах. Мне захотелось поговорить с теми, кто сидел в зале, спросить, что привело их сюда, – но я не отважилась.

Я удивилась, увидев его. Он был совсем не похож на паренька, которого я знавала когда-то, да и немудрено: одиннадцать лет – срок изрядный, было время перемениться. Он стал красивей, глаза его сияли.

– Он возвращает нам наше, – произнесла женщина, сидевшая слева от меня.

Странные слова.

– Что возвращает? – спросила я.

– То, что было у нас украдено. Веру.

– Нет, не возвращает, – возразила моя соседка справа, она была помоложе. – Нельзя вернуть то, что и так принадлежит нам.

– В таком случае, зачем же вы сюда пришли? – раздраженно осведомилась первая женщина.

– Хочу послушать его. Мне интересно, о чем они думают теперь. Было время, когда они сжигали нас на кострах. Быть может, им кажется – мало?

– Это одинокий голос, – сказала первая. – Он делает что может.

Вторая насмешливо улыбнулась и, оборвав разговор, отвернулась.

– Для семинариста он ведет себя очень отважно, – продолжала первая, обращаясь теперь ко мне и у меня ища поддержки.

Но я ничего не понимала и промолчала. А молодая подмигнула мне – как сообщнице, союзнице.

Но молчала я оттого, что мысли мои были заняты другим. Я думала о том, что сказала первая женщина.

«Семинарист».

Не может быть. Он бы предупредил меня.

Он начал говорить, а мне никак не удавалось сосредоточиться. «Надо было одеться понарядней», – думала я, сама не понимая, почему меня это так заботит. Он заметил меня в зале, и я пыталась отгадать, о чем он думает, нравлюсь ли я ему. Должно быть, большая разница существует между мной тогдашней и нынешней – тогда мне было восемнадцать, теперь – двадцать девять.

Голос его совсем не изменился. Но произносил он совсем иные слова.

Необходимо рисковать. Чудо жизни можно постигнуть в полной мере, лишь когда мы будем готовы к тому, что случится нежданное.

Каждый день Бог посылает нам – вместе с солнцем – возможность изменить все то, что делает нас несчастными. И каждый день мы пытаемся притвориться, будто не замечаем этой возможности, будто ее не существует вовсе, будто сегодня – во всем подобно вчера и неотличимо от завтра. Но тот, кто всмотрится в свой день внимательно, найдет этот волшебный миг. Он может таиться в том часе, когда мы отпираем дверь, ведущую в завтра, или в безмолвном мгновении, настающем после ужина, или в тех тысячах мелочей, которые кажутся нам неотличимыми друг от друга. Существует этот миг – миг, когда сила звезд проникает в нас и позволяет нам творить чудеса.

Да, счастье иногда нисходит к нам как благодать, но гораздо чаще – это победа и преодоление. Волшебный миг помогает нам преобразиться и отправиться на

поиски того, о чем мы мечтали. Да, на этом пути нас ждут горести и муки, страдания и лишения, нам встретится множество разочарований, – но все это преходяще и не оставляет следов. И в грядущем мы сможем взглянуть назад с гордостью и верой.

Несчастен тот, кто страшится идти на риск. Вероятно, он не ведает разочарований и краха иллюзий, не страдает – в отличие от тех, кто мечтает и стремится претворить мечту в явь. Но когда он обернется – а обернется он непременно, ибо это присуще каждому из нас, – то услышит, как говорит ему сердце: «Что сделал ты с теми чудесами, которыми Бог так щедро усеял твои дни, досуги твои и труды? Как употребил ты таланты, которые вверил тебе твой Наставник? Зарыл поглубже, потому что боялся потерять? Что ж, отныне достоянием твоим будет лишь уверенность в том, что жизнь свою ты промотал и растратил, расточил и рассеял».

Несчастен тот, кто слышит такие слова. Несчастен, ибо теперь он уверует в возможность чуда, но волшебные мгновения уже не вернутся.

Когда он закончил лекцию, люди со всех сторон окружили его. Я ждала поодаль, напряженно размышляя над тем, какое впечатление произведу на него после стольких лет разлуки. Я чувствовала себя маленьким ребенком – робеющим, ревнующим его к новым, незнакомым мне друзьям, я страдала, потому что другим он уделял внимания больше, чем мне.

Но вот он приблизился. Кровь прихлынула к его щекам, и я увидела перед собой не взрослого мужчину, минуту назад толковавшего о таких важных предметах, а того мальчика, который когда-то, спрятавшись со мною вместе в часовне Святого Сатурия, рассказывал о мечте обойти весь свет – а наши родители меж тем звонили в полицию, боясь, что мы утонули во время купания.

– Здравствуй, Пилар, – сказал он.

Я поцеловала его. Я могла бы сказать что-нибудь лестное о его выступлении и о том, что мне как-то не по себе среди такого множества людей. Я могла бы вспомнить какой-нибудь забавный случай из времен нашего детства и признаться, что горжусь, видя, какое восхищение вызывает он у других, у посторонних.

Я могла бы объяснить, что должна бежать со всех ног – иначе пропущу последний ночной автобус на Сарагосу.

Могла бы. Никогда не сумеем мы понять значение этих слов. Ибо в каждое мгновение нашей жизни может произойти нечто, – может произойти, но не происходит. Существуют волшебные мгновения, но они остаются и проходят неузнанными, и тут внезапно рука судьбы меняет наш мир.

Именно так и случилось тогда. Вместо всего того, что я могла бы сказать, я произнесла лишь два слова, которые – неделю спустя – привели меня на берег этой реки, заставили написать эти строки.

– Выпьем кофе? – вот что я тогда сказала.

И, обернувшись ко мне, он не оттолкнул протянутую ему руку судьбы.

– Мне так нужно поговорить с тобой. Завтра у меня лекция в Бильбао. Я на машине. Едем?

– Я должна вернуться в Сарагосу, – ответила я, не зная, что это был единственный выход.

Но в следующую долю секунды, оттого ли, что вновь вернулась в детство, или оттого, что не мы пишем лучшие мгновения нашей жизни, я сказала:

– Но впрочем, будут выходные по случаю праздника Непорочного Зачатия. Я могу поехать с тобой в Бильбао и вернуться в Сарагосу оттуда.

Реплика моей соседки по поводу «семинариста» не давала мне покоя, и он, как видно, заметил это.

– Ты о чем-то хочешь меня спросить?

– Хочу, – ответила я, попытавшись слукавить. – Перед лекцией какая-то женщина в зале сказала, что ты возвращаешь принадлежащее ей.

– Это не важно.

– Для меня важно, – возразила я. – Я ведь ничего не знаю о тебе, о твоей жизни, я была поражена, увидев, сколько народу явилось послушать тебя.

Засмеявшись, он обернулся к другим и уже готов был вступить с ними в беседу.

– Погоди, – сказала я, удерживая его за руку. – Ты не ответил мне.

– Поверь, Пилар, тебе это будет не слишком интересно.

– Так или иначе, я хочу знать.

Он глубоко вздохнул и отвел меня в угол зала.

– Все три великие религии, в основе которых лежит единобожие, – иудаизм, христианство, ислам – это мужские религии. Священнослужители – мужчины. Мужчины устанавливают законы, мужчины исполняют обряды.

– Но что же имела в виду та дама в зале?

Он замялся, помедлил, но все же ответил:

– Что я вижу порядок вещей по-другому. Что верю в женский лик Господа.

Я вздохнула с облегчением – моя соседка ошибалась. Он не мог быть семинаристом, ибо семинаристам не дано видеть порядок вещей по-другому.

– Исчерпывающее объяснение, – ответила я.

У дверей меня поджидала та самая девушка, что подмигнула мне в зале.

– Я знаю, что мы с тобой исповедуем одну и ту же веру, – сказала она. – Меня зовут Брида.

– О чем ты? Не понимаю.

– Прекрасно понимаешь, – рассмеялась она.

И прежде чем я успела что-нибудь объяснить, схватила меня за руку и вытащила наружу. Вечер был довольно теплым, но не на улице же мне оставаться до утра, а где переночевать, я не знала.

– Куда мы? – спросила я.

– К изваянию Богини, – прозвучало в ответ.

– Мне бы найти какой-нибудь недорогой отель.

– Я все тебе потом объясню.

Я бы предпочла зайти в кафе, поговорить, разузнать о нем как можно больше. Но спорить не стала и, когда она повела меня по Пасео-де-Кастельяна, послушно шла рядом и только вертела головой, рассматривая Мадрид, где никогда до этого не бывала.

Посреди проспекта она остановилась и показала на небо.

– Вот она!

Меж голых ветвей сияла полная луна.

– Красиво, – заметила я.

Но девушка, не слушая меня, раскинула руки крестом, повернула ладони вверх, подняла голову к небу и замерла.

«Куда меня занесло, – подумала я. – Слушала лекцию, потом оказалась на Пасео-де-Кастельяна вместе с этой полоумной, а завтра еду в Бильбао».

– Зеркало Богини Земли, – заговорила девушка, не открывая глаз. – Научи нас осознавать наше могущество, сделай так, чтобы мужчины нас понимали. Ты, рождающаяся, блистающая, умирающая и воскресающая в небесах, указываешь

нам путь от семени к плоду.

Она простерла руки к небесам и надолго застыла в этой позе. Прохожие глядели на нее, посмеивались, но она не обращала на них никакого внимания, зато я готова была сгореть со стыда, что оказалась рядом с ней.

– Я должна была сделать это, – произнесла она, отдав все почести луне. – Теперь Богиня защитит нас.

– О чем ты, скажи, наконец, толком!

– О том же, о чем говорил твой друг, но только истинными словами.

И я пожалела, что не старалась понять смысл лекции и теперь не знаю, о чем там шла речь.

– Мы знаем, что у Бога – женский лик, – сказала девушка, когда мы двинулись дальше. – Мы, женщины, которые понимают и любят Великую Мать. Нам дорого обошлось наше знание – нас преследовали и жгли на кострах – и все-таки мы сумели выжить. И теперь нам внятен смысл ее тайн.

Костры. Ведьмы.

Я вгляделась в лицо моей спутницы: красивая, распущенные рыжие волосы спадают до лопаток.

– Мужчины уходили на охоту, мы оставались в пещерах, во чреве Матери, и растили детей, – продолжала она. – И там Великая Мать обучила нас своей науке.

Мужчина живет в движении, мы пребывали во чреве Матери. И потому поняли, как семя дает росток, и предупредили наших мужчин. Мы испекли первый хлеб и накормили их. Мы слепили из глины первую чашу и напоили их. Мы поняли цикл творения, потому что наша плоть живет, повторяя череду лунных фаз. Гляди, вот она! – внезапно перебила она себя.

Я взглянула в ту сторону, куда она показывала.

В центре площади, со всех сторон обтекаемой потоками машин, стоял фонтан, украшенный скульптурой – женщина на колеснице, запряженной львами.

– Это площадь Кибелы, – похвасталась я тем, как знаю Мадрид. Я десятки раз видела эту скульптуру на почтовых открытках.

Но девушка не слушала меня. Она была уже посреди улицы и, лавируя между машинами, бежала к фонтану.

– Идем! Идем! – кричала она и махала мне рукой.

Я решила последовать за ней хотя бы для того, чтобы спросить название отеля. От всего этого сумасшествия я устала и теперь хотела выспаться.

У фонтана мы оказались почти одновременно: я – с колотящимся сердцем, она – с улыбкой на устах.

– Вода! – воскликнула она. – Вода – вот ее проявление!

– Пожалуйста, скажи мне название какого-нибудь дешевого отеля.

Она погрузила обе руки в чашу фонтана.

– Сделай так же, – сказала она мне. – Прикоснись к воде.

– Да ни за что на свете. Но тебе не хочу мешать – пойду поищу место для ночлега.

– Еще минуту!

С этими словами она вытащила из сумочки маленькую флейту и поднесла ее к губам. Музыка, как мне показалось, произвела гипнотическое действие – шум машин отдалился, сердце мое забилось ровно. Присев у фонтана, слушая лепет воды и песенку флейты, я не сводила глаз с лунного диска, плывшего над нами. Что-то подсказывало мне, – хоть я и сознавала это не вполне отчетливо, – что там, в небесах, пребывает какая-то частица моей женской сути.

Не знаю, как долго звучала флейта. Оборвав мелодию, девушка повернулась к фонтану.

– Кибела, – сказала она. – Еще одно проявление Великой Матери. Кибела управляет ростом колосьев в поле, оберегает города, возвращает женщину на стезю священнослужения.

– Кто ты? – спросила я. – Зачем попросила меня пойти с тобой?

Она обернулась:

– Я – именно то, что ты думаешь. Я исповедую религию Земли.

– Зачем я тебе понадобилась? – настаивала я.

– Я читаю по твоим глазам. И сердце твое для меня – открытая книга. Ты будешь пылко и страстно любить. И страдать.

– Я?

– Ты знаешь, о ком я говорю. Я видела, как он смотрел на тебя. Он любит тебя.

Да, конечно, я имею дело с сумасшедшей.

– Потому я и позвала тебя с собой, – продолжала она. – Он – значителен и важен. Он, хоть и болтает ерунду, по крайней мере признает культ Великой Матери. Нельзя допустить, чтобы он пропал. Помоги ему.

– Ты сама не знаешь, что говоришь. Ты запуталась в своих фантазиях, – говорила я, снова лавируя между автомобилями и твердя про себя, что никогда больше не стану думать над словами этой женщины.

3

Воскресенье, 5 декабря 1993 г.

Мы остановились выпить кофе.

– Жизнь многому тебя научила, – сказала я, пытаясь поддержать разговор.

– Прежде всего тому, что мы способны к постижению и обладаем даром изменения, – ответил он. – Даже если это и кажется невозможным.

На том наша беседа и кончилась. До этого в течение почти двух часов пути, пока не остановились у придорожного бара, мы почти не разговаривали.

Поначалу я пыталась вспоминать наше с ним детство, но он не проявил к этому интереса и явно отвечал только из вежливости. Он даже не очень-то и слушал меня и спрашивал о том, о чем я уже рассказала.

Что-то с самого начала пошло не так. Может быть, время или расстояние непоправимо отдалили его от моего мира. «Он говорит о волшебных мгновеньях, – подумала я. – А в чем разница между теми дорогами, которыми шли Кармен, святой Иаков или Мария?» Да, он живет теперь в другом мире, Сория превратилась в воспоминание – размытое временем, застрявшее в прошлом: его друзья детства так в детстве и остались, а старики, если еще живы, заняты тем же, чем и двадцать девять лет назад.

Я уже раскаивалась, что согласилась поехать с ним. Когда же в этом баре он вновь оборвал разговор, я решила не возобновлять его.

Те два часа, что оставалось ехать до Бильбао, были для меня сущей пыткой. Он смотрел на дорогу, я глядела в окно, и никто из нас даже не пытался скрыть дурное настроение. В автомобиле, взятом напрокат, не было радио, и нечем было заглушить гнетущее молчание.

– Давай спросим, где здесь автобусная станция, – сказала я, когда мы съехали со скоростной магистрали. – Отсюда в Сарагосу регулярно ходят экспрессы.

Было время сиесты, и на улицах людей встречалось мало. Мы проехали мимо какого-то мужчины, мимо юной парочки, но он не притормозил, не спросил.

– Ты что – знаешь, где это? – не выдержала я.

– Что «это»?

Он по-прежнему не слушал и не слышал меня.

И внезапно я поняла, что означает это молчание. О чем ему говорить с женщиной, так и не отважившейся выйти в мир? Что за удовольствие – шагать рядом с человеком, обуянным страхом перед неизведанным и неведомым, с человеком, всему на свете предпочитающим хорошую службу и удачное замужество? А я – о, горе мне! – пыталась говорить с ним о прежних друзьях, о покрывшихся пылью воспоминаниях, о захолустном городишке. А о чем еще я могла бы говорить?

– Вот здесь ты меня и высадишь, – сказала я, когда мы, судя по всему, добрались до центра. Я изо всех сил старалась, чтобы голос мой звучал непринужденно, но на самом деле чувствовала себя глупой, инфантильной, докучной.

Он не остановил машину.

– Мне надо найти автобусную станцию и вернуться в Сарагосу, – упорствовала я.

– Я никогда не бывал здесь. Я не знаю, где находится мой отель. Не знаю, где будет лекция. И где автобусная станция – тоже не знаю.

– Найду, не беспокойся.

Он сбросил скорость, но не притормозил.

– Мне бы хотелось…

Дважды он начинал, но так и не сумел закончить фразу. Я могла лишь догадываться о том, чего бы ему хотелось – поблагодарить, что я составила ему компанию, передать привет общим знакомым и – таким вот способом –

отделаться от неприятных ощущений.

– Мне бы хотелось, чтобы ты сегодня вечером пошла со мной на лекцию, – наконец выговорил он.

Я растерялась. Быть может, он всего лишь пытается выиграть время, чтобы нарушить принужденное молчание, царившее в машине во все время пути?

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты пошла со мной, – повторил он.

Да, конечно, я – провинциальная девчонка, конечно, в моей жизни не случалось ничего такого захватывающе интересного, о чем стоило бы рассказать, конечно, я лишена блеска и шарма, свойственных столичным женщинам. Но жизнь в провинции, хоть и не придает женщине элегантности или опыта, учит ее, как надо вслушиваться в голос сердца – как внимать ему и повиноваться.

И к моему удивлению, голос сердца шепнул мне, что мой спутник – искренен.

Я перевела дух. Разумеется, ни на какую лекцию я не пойду, но отрадно уже и то, что мой друг вроде бы возвращается ко мне, зовет меня в свои приключения, делит со мной и страхи, и радость побед.

– Спасибо за приглашение, – ответила я. – Но у меня нет денег на гостиницу, и потом, я должна быть на занятиях.

– Деньги у меня есть. Переночуешь у меня. Попросим номер с двумя кроватями.

Я заметила, что он весь в испарине, несмотря на холодный день. Сердце мое стало подавать сигналы тревоги, а распознать причины ее мне было не под силу. Радость, несколько минут назад захлестнувшая меня, сменилась полной растерянностью.

Он вдруг резко остановил машину и поглядел мне прямо в глаза.

А когда тебе глядят в глаза, нельзя солгать, нельзя ничего утаить.

И любая женщина, если чувства в ней не вконец омертвели, по глазам мужчины поймет, что он охвачен страстью, – поймет, какой бы нелепостью ни казалось это, каким бы несвоевременным и неуместным ни было проявление ее. В тот же миг припомнились мне слова, произнесенные рыжеволосой девушкой.

Это было невозможно. Но это было так.

Никогда, никогда в жизни не подумала бы я, что он – спустя столько лет – еще помнит. Мы были детьми, мы вместе росли, мы, взявшись за руки, постигали мир. Я любила его – если, конечно, ребенку дано понять, что такое любовь. Но все это было так давно, осталось в какой-то другой, прежней жизни, когда сердце в невинности своей открывалось всему самому лучшему, что есть на свете.

А теперь мы повзрослели и научились отвечать за свои поступки. А то, что было в детстве, в детстве и осталось.

Я снова взглянула ему в глаза. Я не хотела или не могла поверить.

– Мне осталось прочесть только одну лекцию, а потом начнутся праздники в честь Пречистой Девы Непорочно Зачавшей. Мне надо съездить в горы, – продолжал он. – Мне надо кое-что показать тебе.

Этот блестящий человек, говоривший о волшебных мгновениях, стоял передо мной – и все делал не так, как надо: был и неуместно напорист, и вместе с тем недостаточно уверен в себе, и слишком торопил события, и делал какие-то путаные предложения. Мне было тяжко видеть его таким.

Я открыла дверцу, вышла, оперлась о капот. Долго смотрела на почти пустынный проспект. Закурила, попыталась не думать. Я могла бы притвориться, сделать вид, что ничего не понимаю, – попытаться убедить самое себя, будто речь идет о вещах невинных, будто и вправду друг детства предложил такое своей подружке. Может быть, он слишком много странствовал по свету и стал воспринимать действительность иначе.

Может быть, я все преувеличиваю.

Он выскочил из машины, присел со мною рядом.

– Мне бы хотелось, чтобы вечером ты пошла со мной на лекцию, – повторил он. – А не сможешь – ничего страшного, я не обижусь.

Готово! Мир совершил полный оборот и вернулся в исходную точку. Я все восприняла неправильно – вот он уже и не настаивает, вот он уже готов отпустить меня. Объятые страстью мужчины так себя не ведут.

Я чувствовала себя очень глупо и одновременно ощутила облегчение. Да, я могла бы остаться – хоть на день. Мы поужинали бы вместе и, быть может, даже выпили бы и охмелели немного, чего с нами никогда не случалось в детстве. Представлялся прекрасный случай забыть все те глупости, о которых я думала за несколько минут до этого, выпадала отличная возможность разбить ту ледяную корку, которая сковывала нас с самого Мадрида.

Один день погоды не делает. По крайней мере, будет что рассказать подругам.

– Номер с двумя кроватями, – сказала я словно бы в шутку. – И за ужин платишь ты, потому что я – бедная, хоть и не слишком юная студентка. Денег у меня нет.

Мы занесли чемоданы в номер, спустились и двинулись туда, где должна была состояться лекция. До начала ее еще оставалось время, и мы зашли в кафе.

– Я хочу тебе кое-что отдать, – и с этими словами он протянул мне маленький красный мешочек.

Я сейчас же открыла его. Внутри оказалась старая, заржавленная ладанка: с одной стороны – изображение Пресвятой Девы, с другой – Сердца Иисусова.

– Твоя, – сказал он, заметив мое удивление.

И сердце мое вновь охватила тревога.

– Однажды – дело было осенью, погода стояла такая же, как сейчас, и нам с тобой было, наверное, лет по десять – мы сидели на берегу, там, где растет большой дуб. Я хотел сказать тебе слова, которые, готовясь к этому разговору, твердил про себя много недель кряду. Но только начал, ты перебила меня, воскликнув, что потеряла свою ладанку, и попросила пойти поискать ее.

Я вспомнила. Боже мой, я вспомнила!

– И мне удалось найти ее. Но когда я вернулся на берег, у меня уже не хватило духа произнести то, к чему я готовился так долго, – продолжал он. – И я поклялся, что отдам тебе ладанку, лишь когда смогу договорить фразу, начатую в тот день, почти двадцать лет назад. Долго, очень долго я пытался выбросить ее из головы, но не тут-то было. Но больше я жить с нею не в силах.

Он отставил чашку, закурил и устремил неподвижный взгляд в потолок. Потом повернулся ко мне и сказал:

– Фраза очень простая. Я люблю тебя.

Порою нас охватывает печаль, и справиться с ней мы не можем. Мы сознаем, что волшебное мгновенье этого дня минуло, а мы не воспользовались им. И тогда жизнь прячет от нас свою магию, свое искусство.

Надо прислушаться к голосу ребенка, которым ты был когда-то и который еще существует где-то внутри тебя. Ему дано постижение этих волшебных мгновений. Да, мы можем унять его плач, но заглушить его голос – нет.

Этот ребенок продолжает присутствовать. Блаженны несмысленыши, ибо их есть Царствие Небесное.

И если мы не сумеем родиться заново, если не сможем взглянуть на жизнь, как глядели когда-то – с детской невинностью и воодушевлением, – то и смысла в нашем существовании не будет.

Есть много способов совершить самоубийство. Те, кто пытаются убить плоть, нарушают закон, дарованный Богом. Но и те, которые покушаются на убийство души, также преступают Его закон – хотя глазам человеческим их преступление не столь заметно.

Прислушаемся к тому, что говорит нам ребенок, которого храним мы в своей груди. Не будем стыдиться, не станем стесняться его. Не допустим, чтобы он испугался, – ибо он один, и голос его почти никогда не слышен.

Позволим ему – пусть хоть ненадолго – взять бразды нашего бытия. Этому ребенку ведомо, что один день отличен от другого.

Сделаем так, чтобы он вновь почувствовал себя любимым. Порадуем его – даже если для этого придется поступать вопреки тому, что вошло в привычку, даже если на посторонний взгляд это будет выглядеть по-дурацки.

Вспомним, что мудрость человеческая есть безумие перед Господом. Если мы прислушаемся к ребенку, живущему у нас в душе, глаза наши вновь заблестят. Если мы не утеряем связи с этим ребенком, не порвется и наша связь с жизнью.

Краски вокруг меня стали ярче; голос звучал громче, и громче звенело о стол донышко бокала.

Прямо после лекции целая компания – человек десять – отправилась ужинать. Все говорили одновременно, а я улыбалась – улыбалась потому, что этот вечер был совсем особенный. Впервые за многие годы все шло и получалось само собой, непреднамеренно и безотчетно.

Какое счастье!

Когда я решила ехать в Мадрид, все мои чувства, все поступки были под контролем. И вот – все изменилось. И вот – я здесь, в Бильбао, где никогда не бывала прежде, хоть он и находится в трех часах езды от моего родного городка. Я знаю только одного человека из тех, кто сидит со мной за столом, но все обращаются ко мне так, словно знакомы сто лет. Я сама себе удивляюсь, потому что способна разговаривать, пить и веселиться не хуже, чем они.

Я оказалась здесь потому, что жизнь – внезапно – вручила меня Жизни. Я не чувствую ни страха, ни вины, ни стыда. Едва лишь оказавшись рядом с ним и услышав его голос, я убедилась в его правоте – есть мгновения, когда просто необходимо идти на риск, совершать безумные поступки.

«Сколько дней я провела впустую, корпя над книгами и тетрадками, совершая сверхчеловеческие усилия для того, чтобы купить свое собственное рабство, – подумала я. – Зачем я лезла вон из кожи, добиваясь этой работы? Что она прибавит мне как человеку, как женщине?»

Ничего. И неужели я родилась лишь затем, чтобы провести остаток жизни за канцелярским столом, помогая судьям вести процессы?

Должно быть, подобные мысли появляются, когда слишком много выпьешь. Ведь не сегодня придумано: «Кто не работает, тот не ест».

Это сон. И сейчас он кончится.

Но почему же он все длится? И впервые я подумала о том, что стоило бы уехать с ним в горы. В конце концов, начинаются каникулы – впереди целая неделя.

– Ты кто ему? – спросила меня красивая женщина за нашим столом.

– Мы дружили с ним в детстве, – отвечала я.

– Он и в детстве умел это?

– Что «это»?

Застольная беседа становилась все менее оживленной.

– Сама знаешь, – сказала она. – Творить чудеса.

– Он уже тогда умел хорошо говорить, – ответила я, не вполне отдавая себе отчет в том, что я сказала.

Все за столом рассмеялись – и он вместе со всеми, а я так и не поняла, что же их так развеселило. Но от выпитого вина я почувствовала себя свободней и не нуждалась в том, чтобы контролировать происходящее.

Я осмотрелась по сторонам, отпустила реплику по какому-то поводу, о чем через минуту забыла. И снова стала думать о каникулах.

Мне было хорошо сидеть здесь, мне было интересно. Мои новые знакомые вперемежку с обсуждением серьезных проблем перешучивались и острили, и мне казалось, будто все, что творится в мире, прямо касается меня. По крайней

мере, хоть на один вечер жизнь представала передо мной не на экране телевизора, не на газетных страницах.

Да, мне будет что рассказать, когда вернусь в Сарагосу. А если я приму его приглашение, воспоминаний и впечатлений хватит на целый год.

«Он был совершенно прав, что не обращал внимания на мои рассказы о Сории», – подумала я, и мне стало саму себя жалко: уж сколько лет в ларчике моей памяти лежали одни и те же истории.

– Выпей еще, – и седоголовый мужчина наполнил мой стакан.

И я выпила, подумав о том, как, в сущности, мало смогу рассказать своим детям и внукам.

– Я рассчитываю на тебя, – сказал он, понизив голос так, чтобы слышала его я одна. – Поедем во Францию.

Вино развязало мне язык:

– Только в том случае, если мы выясним одну вещь.

– Что именно?

– То, о чем ты говорил перед лекцией. В кафе.

– О ладанке?

– Нет, – ответила я, глядя ему прямо в глаза и изо всех сил стараясь выглядеть трезвой. – То, что ты мне сказал тогда.

– Хорошо, мы потом поговорим об этом, – сказал он, пытаясь сменить тему.

Объяснение в любви. Мы не успели тогда поговорить, но теперь я могла бы убедить его, что дело было именно так и никак иначе.

– Если хочешь, чтобы я с тобой поехала, ты должен меня выслушать.

– Но не здесь же. Здесь мы веселимся.

– Слишком рано уехал ты из Сории, – не сдавалась я. – Я – единственная ниточка, которая связывает тебя с отчизной. Именно она дает тебе силы идти вперед.

«И все на этом. И никакой любви в помине нет».

Он слушал меня молча, не перебивая. Но тут кто-то окликнул его, и наш разговор оборвался.

«Что ж, по крайней мере, я все прояснила», – сказала я самой себе. Такая любовь бывает лишь в сказках.

Потому что в реальной жизни любовь несбывшуюся мы любовью не считаем. Любви удается выжить, только когда существует надежда – пусть далекая, – что нам удастся покорить того, кого любим.

Все прочее – фантазии.

И, словно прочитав мои мысли, он крикнул мне через стол:

– Выпьем за любовь!

Он тоже немного охмелел. Я решила воспользоваться этой возможностью:

– За мудрецов, способных понять, что любовь порой – это детские глупости.

– Мудрец потому лишь и мудр, что любит. А дурак – потому и дурак, что считает, будто способен постичь любовь, – ответил он.

Сидевшие за столом услышали его, и в следующую минуту завязался оживленный спор о любви. У каждого была своя точка зрения, каждый защищал свою правоту зубами и ногтями, и потребовалось несколько бутылок вина, чтобы страсти улеглись. Тут кто-то спохватился, что уже поздно и хозяин собирается

закрывать ресторан.

– Пять свободных дней! – крикнул кто-то с другого конца стола. – Если хозяин хочет закрыть ресторан, это потому, что вы ведете серьезные разговоры!

Все рассмеялись, все – кроме него.

– А где, по-твоему, следует говорить о серьезном? – спросил он у крикнувшего.

– В церкви! – ответил тот. И на этот раз весь ресторан грохнул со смеху.

Он поднялся. Я подумала, что он затеет драку – ведь мы все вернулись лет на десять назад, во времена нашей юности, когда драка – вместе с поцелуями, с нескромными ласками, с оглушительной музыкой и неистовой скоростью – входила в обязательный ассортимент вечеринки.

Но нет – он всего лишь взял меня за руку и направился к дверям.

– Нам пора, – сказал он. – Поздно уже.

Дождь в Бильбао, и во всем мире дождь. Тот, кто любит, должен владеть искусством терять и находить. Он научился соблюдать равновесие между тем и другим. Он весел и по дороге в отель напевает.

У меня еще немного шумит в голове, еще не выцвели, не потускнели краски мира, но и я постепенно обретаю равновесие. Я должна, как говорится, контролировать ситуацию, потому что хочу поехать с ним.

И мне нетрудно контролировать ситуацию, ведь я уже не влюблена до беспамятства. Тому, кто способен укротить свое сердце, покорится весь мир.

«Мне хотелось бы не обуздывать свое сердце», – думаю я. Если бы я смогла отдать ему мое сердце – пусть хоть на один уик-энд, – у дождевых капель, падающих на мои щеки, был бы сейчас другой вкус. Если бы любить было просто, он обнял бы меня и в такт мелодии, которую напевает, рассказал бы другую историю, и она была бы нашей с ним историей. Если бы там, вдалеке, за праздниками, не маячило возвращение в Сарагосу, я бы хотела, чтобы хмель не

выветрился никогда, чтобы мне хватило свободы целовать его, ласкать его, шептать и слушать слова, принадлежащие только влюбленным.

Но нет. Не могу.

Не хочу.

А он еще не знает, что на его предложение я скажу «да». Зачем мне нужен этот риск? Потому что в эту минуту хмель одурманил меня, потому что я устала от дней, неотличимо похожих один на другой.

Но эта усталость пройдет. И мне сейчас же захочется вернуться в Сарагосу – в город, в котором живу по собственной воле, по своему выбору. Меня ждут занятия, меня ждет конкурс. Меня ждет муж, которого еще предстоит встретить, а это будет непросто.

Меня ждет жизнь упорядоченная и тихая, с детьми и внуками, с гарантированной пенсией, с ежегодными отпусками. Мне неведомо, какие страхи томят его, но зато отлично известны мои собственные. И вполне хватает тех, что уже есть, – новых не надо.

Я бы не смогла – никогда бы не смогла – влюбиться в кого-нибудь, как влюбился он. Слишком хорошо я его знаю, мы ведь долго прожили рядом: я знаю все его слабости и страхи. Я не смогу восхищаться им, как другие.

И еще я знаю, что любовь – сродни плотине: если оставить хоть крохотную дырочку, куда может проникнуть тоненькая струйка воды, то вскоре под ее напором рухнут стены, и придет мгновение, когда уже никому не под силу будет сдержать поток.

Если же рухнут стены, любовь завладеет всем и надо всем возобладает: ей безразлично, что возможно, а что – нет, ей нет дела до того, в силах ли мы удержать любимого рядом, любовь – неуправляема.

Нет, я не могу оставить брешь в стене – даже самую маленькую.

– Минутку!

Он сейчас же замолчал. По влажной мостовой зазвучали чьи-то поспешные шаги.

– Пойдем, – сказал он, беря меня за руку.

– Постойте! Одну минутку! – кричал прохожий. – Мне надо поговорить с вами!

Но он только прибавил шагу.

– Это не к нам, – сказал он. – Пойдем в отель.

Тем не менее относилось это именно к нам – больше на улице никого не было. Сердце мое дрогнуло, я мигом протрезвела. Я вспомнила, что Бильбао – столица страны басков и здесь то и дело происходят террористические акты. Шаги приближались.

– Идем, – сказал он и пошел еще быстрей.

Но было уже поздно. Между нами, как из-под земли, выросла фигура мужчины, вымокшего с головы до ног.

– Постойте! – повторил этот человек. – Одну минутку! Ради бога!

В страхе я хотела кинуться прочь, взмолилась, чтобы каким-то чудом рядом с нами взвизгнули тормоза патрульной машины. Бессознательно я вцепилась в него, но он отвел мои руки.

– Умоляю вас, – проговорил незнакомец. – Я узнал, что вы здесь. Помогите мне, ради бога! Речь идет о моем сыне!

Он заплакал и упал на колени, повторяя:

– Умоляю вас! Умоляю!

Мой друг глубоко вздохнул, опустил голову, закрыл глаза. В наступившей тишине слышно было, как стучат дождевые капли да рыдает человек, стоявший посреди мостовой на коленях.

– Иди в отель, Пилар, – произнес наконец мой друг. – Ложись спать. Я вернусь только под утро.

4

Понедельник, 6 декабря 1993 г.

Любовь – это сплошные ловушки и капканы. Когда она хочет дать знать о себе, то показывает лишь свой свет, а порождаемые им тени – скрывает и прячет.

– Погляди вокруг, – сказал он. – Давай припадем к земле, послушаем, как бьется ее сердце.

– Не сейчас, – отвечала я. – Я не могу пачкать свой жакет: он у меня один.

Мы ехали по холмам, поросшим оливами. После вчерашнего дождя в Бильбао солнечное утро казалось сном. У меня не было темных очков – я вообще ничего с собой не захватила, потому что собиралась в тот же день вернуться в Сарагосу. Спать мне пришлось в одолженной у него рубашке, а в угловом магазинчике рядом с нашим отелем я купила себе майку, чтобы было во что переодеться, покуда сохла постиранная – та, в которой я ходила накануне.

– Тебе, наверно, надоело видеть меня в одном и том же, – шутя сказала я, желая, чтобы этот обыденный разговор вернул меня к действительности.

– Я счастлив тем, что ты – здесь.

С той самой минуты, как он вернул мне ладанку, он больше не говорит мне о любви, но радостен, весел и ведет себя как восемнадцатилетний юнец. И сейчас он, погруженный в сияние погожего утра, идет рядом со мной.

– Какие у тебя там дела? – спросила я, показывая на закрывавшие горизонт отроги Пиренеев.

– По ту сторону гор – Франция, – с улыбкой отвечал он.

– Я учила географию в школе. Я хочу знать, зачем нам туда и что мы там будем делать.

Некоторое время он не произносил ни слова и продолжал улыбаться.

– Зачем? Затем, что я хочу показать тебе один дом. Быть может, он тебя заинтересует.

– Если ты решил податься в агенты по продаже недвижимости, то обо мне забудь. У меня нет денег.

Мне-то было все равно – ехать ли в Наварру или во Францию, лишь бы не возвращаться на праздники в Сарагосу.

«Ну что? – осведомился мой рассудок у сердца. – Ты довольна тем, что приняла его приглашение. Ты изменилась и сама того не замечаешь».

Нет, нисколько я не изменилась. Просто отдохнула немного.

– Погляди, какие камни.

И в самом деле – гладкие, обкатанные, словно прибрежная галька, а ведь здесь, на равнинах Наварры, никогда не было моря.

– Их отшлифовали ступни крестьян, ступни богомольцев, ступни искателей приключений, – сказал он. – Камни изменились, но и путники не остались прежними.

– Это странствия научили тебя всему, что ты знаешь?

– Нет. Чудеса Откровения.

Я не поняла, о чем он, и предпочла не углубляться. Я чувствовала, как растворяюсь в солнце, в долине, в горной гряде на горизонте.

– Куда мы идем? – спросила я.

– Пока никуда. Мы просто наслаждаемся утром, солнцем, прекрасным пейзажем. Впереди у нас еще долгий путь на машине, – говорит он и, немного поколебавшись, добавляет: – Ты спрятала ладанку?

– Спрятала, – отвечаю я и прибавляю шагу. Мне не хочется говорить об этом, чтобы не испортить радость и свободу утра.

Впереди появляется городок. Как принято было в Средние века, он стоит на вершине холма, и в отдалении я вижу колокольню его собора и развалины замка.

– Пойдем туда, – прошу я.

Он пребывает в нерешительности, но потом соглашается. По дороге нам встречается часовня, и мне хочется зайти туда. Я не знаю молитв, но церковная тишина всегда действует на меня умиротворяюще.

«Не вини себя, ты ни в чем не виновата, – говорю я себе. – Если он влюблен, то это его дело».

Он осведомился насчет ладанки. Я знаю – он ждал, что мы возобновим давешний разговор в кафе. Ждал – и одновременно боялся, что не услышит того, что хочет, вот потому-то он и не торопит события, не затрагивает эту тему.

Может быть, он и вправду любит меня. Однако мы должны превратить эту любовь во что-то иное, более глубокое.

«Что за вздор, – говорю я себе. – Ничего на свете нет глубже любви. Только в сказках принцесса целует жабу и та превращается в прекрасного принца. В жизни все наоборот: принцесса целует принца, и он становится омерзительной жабой».

Через полчаса мы подходим к часовне. На ступенях сидит старик.

С той минуты, как мы пустились в путь, это первый человек, повстречавшийся нам, – ибо на дворе осень, и поля снова вверяют себя Господу в надежде, что он дарует им плодородие и что позволит человеку в поте лица своего снискать хлеб свой насущный.

– Здравствуйте, – говорит он старику.

– Здравствуйте.

– Как называется этот городок?

– Сан-Мартин-де-Ункс.

– Ункс? – переспрашиваю я. – Звучит как имя гнома!

Старик не понимает шутки, и я, слегка смутясь, направляюсь к дверям часовни.

– Нельзя, – останавливает меня старик. – С полудня закрыто. Хотите – приходите к четырем.

Но дверь в часовню отворена. И я, хоть и смутно, потому что солнце светит ослепительно, вижу, что там внутри.

– Да мне бы на одну минутку… Я хочу помолиться.

– Сожалею, но не могу. Закрыто.

Он слушает мой разговор со стариком и не вмешивается.

– Ладно, пойдем отсюда, – говорю я. – Не станем спорить.

Он по-прежнему смотрит на меня пустым отчужденным взором.

– Разве ты не хочешь посмотреть часовню? – спрашивает он.

Я знаю – ему не нравится, как я себя веду. Он считает, что я – слабая, боязливая, не умеющая добиваться своего. Принцесса безо всяких поцелуев превратилась в жабу.

– Вспомни, что было вчера, – говорю я. – В баре тебе не хотелось продолжать спор, и ты прекратил его. А теперь, когда я поступаю точно так же, ты меня осуждаешь.

Старик бесстрастно слушает нас. Должно быть, он доволен – хоть что-то происходит перед ним, ибо здесь, в этом местечке, все утра, дни и ночи неотличимы друг от друга.

– Дверь не заперта, – обращается он к старику. – Если тебе нужны деньги, мы можем заплатить, хоть и немного. Но она хочет посмотреть церковь.

– Сейчас – нельзя.

– Ладно же! Мы все равно войдем!

И, схватив меня за руку, входит.

Сердце у меня колотится – старик может разозлиться, позвать полицию, испортить наше путешествие.

– Почему ты сделал это?

– Потому что ты хотела осмотреть часовню изнутри.

Но мне это не удается: глаза не смотрят – эти пререкания и то, как я отнеслась к запрету, уничтожили все очарование такого чудесного утра.

Я чутко прислушиваюсь к тому, что происходит снаружи, я представляю, как старик зовет полицию. Святотатцы. Грабители. Они нарушают закон, преступают запрет. Старик ведь сказал им – закрыто, час посещений прошел! Он немощен и дряхл, он не в силах был нас удержать, мы не проявили уважения к старости – и в глазах полиции это усугубит нашу вину.

Я остаюсь внутри ровно столько времени, сколько нужно, чтобы освоиться. Но сердце колотится так сильно, что я боюсь, как бы он не услышал его стук.

– Мы можем идти, – говорю я, выждав время, необходимое для того, чтобы прочесть «Отче наш».

– Не бойся, Пилар. Тебе не придется подыгрывать этому старику.

Мне вовсе не хочется, чтобы конфликт со сторожем привел к ссоре с моим другом. Надо сохранять спокойствие.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – отвечаю я.

– Есть люди, которые постоянно воюют с кем-то – с окружающими, с самими собой, с жизнью. И постепенно у них в голове начинает складываться некое театральное действо, и либретто его они записывают под диктовку своих неудач и разочарований.

– Я знаю многих таких.

– Беда в том, что они не могут разыграть эту пьесу в одиночку, – продолжает он. – И тогда прибегают к помощи других актеров.

Здесь произошло нечто подобное. Старик хотел за что-то на ком-то отыграться, кому-то за что-то отомстить – и выбрал нас. Если бы мы послушались его, вняли его запрету, то испытывали бы сейчас горечь поражения и раскаивались бы. Мы бы стали частицами его убогой жизни и его неудач.

Но его враждебность бросалась в глаза, и потому нам нетрудно было уклониться от нее. Куда хуже, когда люди «вызывают нас на сцену», начиная вести себя как жертвы, жалуясь на то, что жизнь полна несправедливости, прося у других совета, помощи, заступничества.

Он заглянул мне в глаза.

– Берегись, – сказал он. – Ввяжешься в такую игру – проиграешь непременно.

Он прав. И все же мне было как-то не по себе: в душе оставался неприятный осадок.

– Я помолилась. Я сделала все, что хотела. Мы можем выйти наружу.

И мы выходим наружу. Контраст между царившим в церкви полумраком и ярким солнечным светом так силен, что я на несколько мгновений слепну. Когда же зрение возвращается ко мне, вижу, что старика нет.

– Пойдем пообедаем, – говорит он и направляется в сторону городка.

За обедом я осушила два стакана вина. В жизни еще не пила так много. Я спиваюсь.

«Не надо преувеличивать».

Он разговаривает с официантом. Узнает, что в окрестностях еще сохранились развалины римских построек. Я пытаюсь принять участие в беседе, но скрыть дурное настроение мне не под силу.

Принцесса превратилась в жабу. Ну и что с того? Какое значение это имеет, если мне ничего не надо – ни мужчины, ни любви?

«Я ведь знала заранее, – думаю я. – Знала, что он нарушит равновесие моего мира. Разум предупредил меня, но сердце не захотело внять его совету».

Как дорого обошлось мне обретение той малости, которую я получила. Мне пришлось отказаться от стольких желанных мне вещей, отвернуться от стольких дорог, открывавшихся передо мной. Я пожертвовала многими своими мечтами во имя главной – спокойствия духа. И лишиться его сейчас я не желаю.

– Ты чем-то удручена, – произносит он, прервав разговор с гарсоном.

– Да, ты угадал. Я думаю, что этот старик все-таки вызвал полицию. Я думаю, что в таком маленьком городке не составит труда выяснить, где мы находимся. И еще я думаю, что из-за твоего упрямого желания пообедать именно здесь на

наших каникулах можно поставить крест.

Он вертит в руках стакан с минеральной водой. Он не может не знать, что я говорю неправду и дело совсем не в старике. Дело в том, что меня терзает стыд. Зачем мы творим такое с нашими жизнями? Зачем видим соломинку в глазу, а горы, поля и оливковые рощи не замечаем?

– Послушай, – говорит он. – Поверь мне, ты зря тревожишься: старик давно уже дома, он и позабыл об этом происшествии.

«Дурак, я не из-за этого тревожусь», – думаю я.

– Слушай голос сердца, – продолжает он.

– Именно это я и делаю, – говорю я. – Слушаю. И хочу уйти отсюда. Мне как-то не по себе.

– Сегодня больше не пей. Вино тебе не помогает.

До этой минуты я держала себя в руках. Теперь сознаю – лучше будет высказать все, что накипело.

– Ты уверен, что знаешь все. Ты рассуждаешь о волшебных мгновениях, о ребенке, таящемся в душе взрослого. И я не понимаю, что ты делаешь тут, рядом со мной.

– Я восхищаюсь тобой, – смеется он. – Тобой и тем, как ты борешься против собственного сердца.

– Что-что? – переспрашиваю я.

– Да ничего, это я так, – отвечает он.

Но я уже поняла, что он хотел сказать.

– Не обманывай себя. Если хочешь, можем обсудить это. Ты заблуждаешься относительно моих чувств.

Перестав крутить в пальцах стакан, он глядит мне прямо в глаза:

– Не заблуждаюсь. Я знаю – ты меня не любишь.

Я совсем сбита с толку.

– Но я буду бороться за твою любовь, – продолжает он. – Есть на свете такое, за что стоит бороться до конца.

Я не знаю, что ему на это сказать.

– Вот за тебя, например, – договаривает он.

Я отвожу взгляд и делаю вид, будто рассматриваю интерьер ресторана. Я чувствовала себя жабой и вдруг снова превратилась в принцессу.

«Я хочу верить его словам, – думаю я, уставившись на картину, где изображены какие-то рыбаки на лодках. – Это ничего не изменит, но по крайней мере я не буду чувствовать себя такой слабой, такой никчемной».

– Прости, что я на тебя накинулась, – говорю я.

Он улыбается и, подозвав официанта, платит по счету.

На обратном пути растерянность моя не проходила. Что было тому виной? Солнце? Но сейчас осень, и солнце уже не только не припекает, но и не греет. Старик? Но старик уже довольно давно ушел из моей жизни.

Может быть все что угодно – все новое. Неразношенный башмак натирает ногу. Вот так и жизнь – она хватает нас врасплох и тащит к неведомому, хоть мы, быть может, этого не хотим, хоть нам, быть может, этого и не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду Антонио Мачадо (1875–1939), творчество которого связано с Сорией. – Здесь и далее прим. перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/paulo-koelo/na-beregu-rio-p-edra-sela-ya-i-zaplakala

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить